
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Главному редактору журнала «Социология: 4М»

Уважаемый Главный редактор!

Вам пишет известный Вам поэт Анатолий Азарович Пузицкий. Узнав о существовании журнала «Социология: 4М», я решил предложить Вам для публикации свои стихи. Правда, в моем портфеле нет ничего такого, что можно было бы вполне определенно отнести к социологическому ряду. Предметом социологии является социум, группа людей. Предметом же моих размышлений – индивид. Но социум состоит из индивидов, так что размышления о нем не вовсе чужды социологии. Я выбрал стихотворение философского плана – о смерти и жизни. Конечно, в обычной речи эти слова следует произносить в обратном порядке: сначала «жизнь», а уж потом «смерть», хотя слово «смерть» без нужды вообще произносить не следует. Но в данном стихотворении именно смерть – главная тема, поэтому она и поставлена на первое место. В стихотворении явно наличествует математическое мышление (математическое – в широком значении слова; не в смысле количеств, а в смысле последовательности и точности выражения), так что ему можно приписать ранг «2М». Выходит, Ваш журнал, в названии которого присутствует символ «4М», есть самое точное место для публикации этого стихотворения. Вот оно:

О СМЕРТИ И ЖИЗНИ

Неважно, что мы смертны.
Важнее всех даров
та мысль, что в мире этом
нельзя сказать: «Я мёртв».

За гранью нет речений;
а в дни, пока ты жив,
без всяких исключений
диагноз этот лжив.

Когда ж в разладе с явью
порвётся жизни нить,
того уж нет, кто вправе
об этом объявить.

Смерть – это лишь догадки.
Надёжен жизни щит;
холодной смертной хватки
живой не ощутит.

Закрыты двери страху,
в которые он лез!
Не может черепаху
настигнуть Ахиллес!

Замечу, что исходная мысль этого стихотворения принадлежит не мне, а Эпикуру. В поисках философских преград перед присущим человеку страхом смерти он писал: «Таким образом, самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем».

Аналогичную мысль позже я обнаружил также у русского писателя М.М. Пришвина: «Мудрец под конец жизни понимает, что смерть страшна только со стороны, для близких людей, но для себя смерти нет, и сам человек в себе как родится бессмертным, так и уходит от нас».

Я же обосновываю здесь эту мысль несколько по-другому, а именно, привлекая рассуждения, связанные с логическими парадоксами «лжец» и «Ахиллес и черепаха».

Кроме математичности в стихотворении присутствует и поэтическое искусство, что, можно надеяться, не послужит во вред репутации Вашего журнала.

С глубоким уважением,
А. Пузицкий